

АЛМАЗА ВЕЛИЧИНОЙ С ОТЕЛЬ «РИЦ» В БЕЛАРУСИ НЕ НАШЛИ. ПОКА...

Обычно говорят, что Беларусь не богата полезными ископаемыми, энергоресурсами, многие приходится закупать в других странах. И когда цены на них возросли, приближаясь к мировым, возникло опасение: не чревато ли это потрясениями для национальной экономики? А может, не так уж мы бедны богатствами недр, как привыкли считать?

«7 дней» попытались прояснить истинное положение дел, пригласив в канун Дня геолога

за круглый стол известных ученых: заведующего кафедрой динамической геологии Белгосуниверситета, доктора географических наук, профессора Валерия Губина; доктора геолого-минералогических наук, профессора кафедры динамической геологии БГУ Эдуарда Высоцкого; главного научного сотрудника института геохимии и геофизики Национальной академии наук, доктора геолого-минералогических наук, профессора, лауреата Государственной премии Беларуси Виктора Конищева.

От балтийского щита — к кристаллическому!

Корр:— В республике открыто, если не ошибаюсь, свыше 4000 месторождений минерального сырья. Может ли это число возрасти?

В.Г.:— Для этого нужно продолжать изучение строения литосферы. Случайно, методом «тыка», перспективные на полезные ископаемые территории не выявишь. Нужен комплекс методов: космическое зондирование, геофизические исследования — магниторазведка, сейсморазведка. И, главное, поисковое бурение. Необходимо проводить регионально-геологическое исследование территории, картографирование. Имеющиеся у нас карты устарели, у них слишком мелкий масштаб. Территория республики должна быть покрыта новой геологической съемкой в масштабе 1:200 000, 1:100 000, здесь мы отстаем от соседних стран.

Следует развивать компьютерное моделирование в геологии. Нужна космическая информация, чтобы, к примеру, составить космоктоническую карту Оршанской впадины, которая изучена недостаточно в сравнении со знаменитым Припятским прогибом, не говоря уже о севере Беларуси. Недавно у нас состоялась научная конференция по дистанционному зондированию. В республике разрабатывается новая спутниковая система, аналог российской. Но для ее применения надо иметь свой спутник. Кстати, космическая информация полезна не только для геологии. Она может использоваться специалистами МЧС, лесного хозяйства, экологами, скажем, для контроля проходящих по нашей территории газо- и нефтепроводов — а вдруг авария! Конечно, можно эту информацию приобрести за рубежом, но за нее придется дорого заплатить...

Особую актуальность приобретает эколого-геологический анализ Солигорского промышленного района. Многолетняя эксплуатация Старобинского месторождения

калийных солей привела в начале XXI века к сложной экологической ситуации, вызванной засолением почв и подземной гидросферы, изменением рельефа земной поверхности, повышением сейсмоактивности.

В настоящее время в мире из недр извлекается более 400 видов сырья, из которых по стоимости преобладают горючие ископаемые (80%), далее — металлы (12%) и строительные материалы (около 2%). Причем строительные материалы находятся на первом месте по объемам добычи. И это соотношение может измениться, если, в частности, применять очень перспективные геохимические методы исследования. Но в Беларуси они развиваются слабо. Тогда как во Франции именно благодаря им в 15 километрах от Лиона, там, где, казалось, все изучено вдоль и поперек, нашли меднополиметаллические месторождения.

Необходимо возобновлять глубинное геологическое картографирование, которое в 70-80-е годы XX века было поставлено весьма широко. Оно особенно эффективно в районах, где кристаллический фундамент выходит близко к поверхности, — вблизи Барановичей, Слонима, Столбцов. В этих районах в свое время нашли месторождения железных руд, потому что велась глубинная геосъемка. Кристаллический фундамент почти не изучен. Мы ищем золото, которое «принесло» с так называемого Балтийского щита, как древние старатели, перебиваем эту породу. А наше, коренное золото, там, в глубине. Но до него надо докопаться, а для этого бурить глубокие скважины.

Ну и там, где уже были съемки, следует проводить новые, доизучать эти площади современными методами. Особенно перспективен каротаж, когда в пробуренную скважину запускается зонд, который позволяет фиксировать те или иные полезные ископаемые, определять промышленную ценность месторождения.

Новые ископаемые — хорошо забытые старые

Корр.: — Вероятно, наиболее благополучна у нас ситуация с калийными солями...

Э.В.: — Действительно, мы обеспечены этим видом минерального сырья на много лет. В республике детально разведаны два месторождения калийных солей: Старобинское и Петриковское. Первое эксплуатируется с 1959 года! В процессе геологоразведочных работ выявлен еще ряд перспективных для шахтной добычи участков: Нежинский (его запасы 1,9 млрд. т сырых солей), Смолковский (1,5 млрд. т), Октябрьский (800 млн. т), а также Житковичский, Светлогорский, Любанский и другие. В Солигорском промрайоне начали осваивать новый участок — Краснослободский. Сегодня там завершается проходка двух шахтных стволов глубиной до 700 м. Он должен заработать в 2008 году. Но основным поставщиком калийной соли по-прежнему остается Старобинское месторождение, где имеются развитая инфраструктура, производственная и жилая зоны.

Несмотря на то, что Беларусь обладает значительными запасами калийных солей, наблюдается уменьшение их на шахтных полях действующих рудоуправлений ПО «Беларуськалий». Старобинское месторождение, по существу, переразведано, но осталось много нерешенных и вновь возникших в процессе его эксплуатации проблем. Дело в том, что рудники имеют свой амортизационный срок. Полномасштабно они разрабатываются с начала 60-х, и амортизационный срок 1-го и 2-го рудников подходит к концу. Запасы здесь, по сути, отработаны. Встал вопрос о строительстве рудников на южном и северном «флангах» шахтного поля. Строительство Березовского рудника уже ведется, предполагается построить рудник вблизи д. Дарасино. При эксплуатации месторождения обнаружили явления, которые не могли быть изучены в процессе его разведки. Это, в

частности, выбросы соли и газа, замещение сильвинита каменной солью. Она уже обрабатывается на 1-м руднике. Наш рынок почему-то занят украинской солью, а свою не знаем куда девать. Определенную ценность представляют отходы калийного производства. Из них можно наладить производство кальцинированной соды.

Сегодня остро возникает вопрос о безопасной разработке калийных солей. Например, в России в результате аварий затоплены два рудника. И Беларусь даже помогает россиянам «закрыть» поставки продукции за рубеж. В Канаде — а это мировой лидер по запасам и производству калийных удобрений — происходит затопление двух рудников. Добыча там уменьшается, и для Беларуси складывается благоприятная в экспортном плане ситуация. К слову, тендер на разведку нового российского месторождения в Прикаспии — Гремяченского — выиграла Беларусь.

Корр.: — Ряд полезных ископаемых, видимо, можно считать новыми для Беларуси?

Э.В.: — На Любанском, Октябрьском участках есть карналлит, запас — несколько миллиардов тонн. Из этого ископаемого извлекают магний, бром и рубидий. Карналлит можно добывать с расчетом на экспорт — нам столько магния не нужно. В районе станции Бринево в Гомельской области имеется разведанное месторождение гипса. Мощные пласты, и качество отличное. Мы завозим около 300 тыс. т из России. А можем полностью удовлетворять собственные потребности за счет своего гипса, еще и на экспорт поставлять. Проблема в его промышленной разработке, шахтным способом придется добывать. В Польше, например, его добывают в карьерах. Разведаны два месторождения фосфоритов в Могилевской области — Мстиславль, Лобковичи. Они позволяют получать фосфорные удобрения. Пока на Гомельский суперфосфатный завод сырье завозится из России.

Недавно специалисты института геохимии и геофизики НАН РБ впервые нашли в так называемом Северо-Припятском плече карбонатиты. С ними связывают ниобий, тантал. По предварительным данным, эти карбонатиты не содержат редкоземельных металлов. Белорусскими учеными там обнаружен и один природный алмаз. Это доказывает, что, в принципе, у нас могут быть природные алмазы. Но между фактом единичной находки и промышленной добычей — дистанция огромного размера. Считается, что из 50 алмазоносных трубок только одна — промышленная.

Половина нефтяных ресурсов беларуси еще не разведана

Корр.: — Алмаз величиной с отель «Риц», если вспомнить рассказ Фрэнсиса Скотта Фитцджеральда, в Беларуси все же вряд ли найдут! И после известных нефтегазовых конфликтов проблему энергетической безопасности государства связывают прежде всего с нефтью.

В.К.: — Кстати, алмазы у нас могут быть. Поиски в основном велись в пределах Северо-Припятского плеча. Но там не те породы, где обычно есть алмазы, а родственные им, например карбонатиты. Нужно обратить внимание на север, междуречье Днепра и Западной Двины. Этот район, на пересечении крупных разломных зон, на мой взгляд, наиболее перспективен. В подобных геологических условиях в Архангельской области открыты промышленные месторождения алмазов.

Наш самый значительный нефтеносный бассейн — Припятский, но ресурсы там оказались меньшими, чем ожидалось. Они оцениваются примерно в 300 млн. т. Порядка 170 млн. т разведано, больше 100 млн. т добыто. Раньше добыча достигала 8 млн. т в год, сейчас

опустилась до 1 млн. 700 тыс. т. Стоит задача как можно дольше поддержать добычу на этом уровне. Задача сложная. Недавно сообщалось, что Мексика сможет добывать нефть всего 9 лет! А это крупный экспортер, обеспечивающий нефтью США. Почему сложилась такая ситуация? Ведь прогнозные ресурсы в Мексике очень большие. Дело в том, что разведанных запасов мало. Добычей нефти занимается государственная компания. Государство свыше 90% прибыли забирает в бюджет, и средств для поисково-разведочных работ не остается. Мексиканцы уже разведанные месторождения разрабатывали, а новые не искали.

В Беларуси складывается похожая ситуация. В советские времена бурилось в десяток раз больше глубоких нефтяных скважин, чем сегодня. Оборудование устарело, средств для нового нет. Наши скважины — в основном эксплуатационные. Ведется еще доразведка старых месторождений, а новые не ищут. Хотя они могут быть — примерно половина ресурсов еще не разведана. У нас все месторождения практически находятся в северной части Припятского прогиба. А это — треть. Остальные две трети слабо изучены. Перспектива открытия новых месторождений есть в центральной и южной зонах прогиба. Недофинансирование — главная проблема белорусской геологии. Существует выработанный мировой практикой критерий: 8% от стоимости добываемого сырья должно направляться на финансирование геологоразведочных работ. В советские годы направлялось 3,5%. А из плана геолого-разведочных работ на 2006-2010 годы вытекает, что объем их финансирования составляет... 0,3% от стоимости тех полезных ископаемых, которые будут в результате разведаны!

Корр.: — Говорят, нефтеперспективны Оршанская и Брестская впадины...

В.К.: — Я на этот счет скептик. В Оршанской впадине пробурена скважина, нефти там нет. И быть не может, ибо мощность осадочного чехла меньше 2 км, а промышленные месторождения нефти в осадочных бассейнах могут быть при мощности чехла больше 3,5 км. Один наш коллега предлагал Беларуси вести поиски нефти с правом последующей разработки в Западном Казахстане и на территории России, в Прикаспийской впадине. Наверное, это было бы проще, чем добывать ее в Венесуэле, Иране. Но все перспективные территории там уже раздали китайским, американским, французским компаниям. Они берут в концессию участки, платят за них деньги, а работы не ведут — просто держат за собой. А у нас нет средств на конкурсной основе тягаться с этими компаниями.

Нам нужно по-хозяйски использовать имеющиеся энергоресурсы. Ведь белорусы тысячи лет жили на этой земле без нефти и газа! Когда иностранные туристы приезжают в Березинский заповедник, удивляются: на земле лежит чуть ли не столько же деревьев, сколько стоит. Нигде в Западной Европе такого не увидишь. В некоторых странах 25% ВВП формируется за счет лесопереработки, в Финляндии вообще 2/3 бюджета. А у нас — 2,3%! В Беларуси 4 млрд. т торфа. В Финляндии такие же запасы, она добывает 15 млн. т в год для энергетических целей. Это эквивалентно 7,5 млрд. кубометров газа! У нас эти в значительной степени возобновляемые ресурсы используются недостаточно. Синеокая Беларусь могла бы экспортировать подземную, пресную воду. Европейцы потребляют ее в два раза меньше, чем мы, потому что платят за нее полностью из своего кармана, а не из государственного. Так что когда говорят, что Беларусь бедна природными ресурсами, или кривят душой, или не знают истинного положения дел. Ресурсов хватает, не хватает умения рачительно ими распорядиться.

И нам нужны кадры. Раньше каждое лето со студентами ездили на полевые работы по Беларуси, на Украину, в Казахстан. Сейчас такой возможности нет, а какой же ты геолог, «ветра и солнца брат», если не был в поле! Когда-то в нашем институте было 350 человек,

сейчас 130. Остались в основном пенсионеры и люди предпенсионного возраста. Молодежь ушла в начале 90-х, и сейчас у нас нет среднего поколения специалистов. А нынешняя молодежь неохотно идет в науку, на небольшую зарплату. В общем, «держись, геолог, крепись, геолог!» Хочется верить, что в нашу профессию вернется романтика тех времен, когда люди ездили «за туманом и за запахом тайги»...

Геннадий АНУФРИЕВ